

Нет, не случайность...

Лето. Рижский театр оперетты уже на отдыхе, и я надеялся, что теперь-то солист театра и председатель местного комитета Висвалдис Айше никуда не спешит. Однако я ошибся.

— А, вы из газеты, спрашивайте быстрее, я спешу на самолет.

— Восемнадцатого июня вам исполняется 50 лет, не так ли? Какое самочувствие?

— Самочувствие хорошее. Во-первых, не верится, что стукнуло пятьдесят, во-вторых, все поздравляют, а Театральное общество, помимо поздравления, посылает меня в творческую командировку: завтра же буду смотреть одесскую оперетту, а в свободное время — купаться в Черном море.

— А как начинался ваш путь на сцене?

— Как и многое в моей жизни — по случайному стечению обстоятельств. Я работал в Лиепае страховым инспектором и тут услышал, что Лиепайский театр набирает певцов. Может быть, пойти? Пошел, и меня приняли. Это было в 1949 году.

— А до этого вы не думали об искусстве, о театре?

— Конечно, думал. В семье у нас почти все музыкальны, сестра училась в консерватории, а я — в музыкальной школе. Но чтобы пойти в театр, здесь нужна большая смелость.

— И с самого начала вы попали в оперетту?

— Не совсем. В Лиепае некоторое время я работал в кукольном театре, затем — в Лиепайской драме, и в основном играл драматические роли. В 1960 году я узнал из объявления, что в Риге недостает певцов, приехал — и меня приняли. Пел Фалька в «Летучей мыши», Маркиза в «Люксембурге», барона Зета в «Веселой вдове», Ферри — в «Сильве», в «Серенаде» я был Шубертом и Шобером, а теперь Купельвизер, в «Купальнице Сюзанне» — господин Бауман. Одна из последних моих ролей — писатель Штамм в старом водевиле «Петер, Петер...», а самая последняя — колхозный бригадир в романтическом спектакле «Девушка и три мушкетера».

— У вас есть и любимые роли?

— А как же. Но главное — чтобы их любили также публика и критика. С этой точки зрения мне близок Рудис в «Днях портных». За эту роль я получил премию. Конечно, были и другие удачи, другие радости.

— А огорчения, муки?

— Без этого на сцене не бывает. В Лиепае мы репетировали «Времена землемеров». Режиссер Жан Брасла напоминал нам, что самое главное — держаться на сцене естественно, непринужденно. И только что принятое в театр «пополнение» держалось в сцене потасовки так естественно и непринужденно, что я чуть не потерял сознание.

— В программах Театра оперетты последних сезонов в афише иногда стоит имя Мартина Айше. Вам было бы приятно, если бы ваш сын избрал вашу профессию?

— Хороша всякая профессия, которую выбирает молодой человек. Если только выбирает по-настоящему — не случайно.

— И последний вопрос: что вы любите делать, когда совершенно свободны.

— Не помню уж, когда это было, потому что у меня, как и у многих, есть увлечение — я коллекционирую значки, и это отнимает последние остатки свободного времени. А если уж совсем нечего делать, то можно и побездельничать.

Так отвечает с присущим ему юмором Висвалдис Айше. Но все время мы чувствуем за его шутками серьезность, и именно эта серьезность, а не какие-то случайности, привела юбиляра к счастливому юбилею в его жизни и деятельности.

К. Плуме

На снимке: Л. Сниеде и В. Айше в оперетте Н. Золотоноса «Ах, глупое сердце!»

Фото Д. Гедзюна

ОЛОС РИГА

г. РИГА

16 ИЮН 1973